

и богоданность богатства, они ощущали все же реальную несовместимость этих полярных сил и предлагали снизить общественное напряжение: «Смешением противоположностей можно было бы избежать этих крайностей и достичь необычайно целительной середины» (Разг., 208. 11—12). Наиболее рекомендуемое лекарство — милосердие и благотворительность «богатых»: «Будьте благосклонны к нам в своем изобилии, как друзья и братья. . .» (Разг., 210. 1—2). В целом же все рассуждения об общественном устройстве и будущем мире не выходят за рамки христианской концепции.

Авторы, сочинения которых здесь цитировались, занимали различное положение в обществе. Димитрий Кидонис — аристократ, первый министр трех византийских императоров. Николай Кавасила, происходивший из аристократической фессалоникийской семьи, подвизался в конце 40—50-х годов при императорском дворе, выполняя отдельные миссии. Григорий Палама — афонский монах, глава мистического направления в идеологии, с 1349 г. — митрополит Фессалоник. Никифор Григора — один из ведущих интеллектуалов эпохи, находившийся в фаворе при дворе Андроника II и подвергавшийся опале в период управления Андроника III. Алексей Макремволит, скорее всего, был учителем, т. е. был более демократичен по своему общественному положению, чем другие авторы в рассматриваемой группе. Это, кстати, и отразилось на его рассуждениях: они звучат несколько откровеннее и решительнее. Но даже самые смелые его выводы не выходят за рамки средневековой феодальной концепции. Любому из выводов, встречающихся в литературе того времени, можно найти смысловые аналоги в Священном писании. Содержащиеся в сочинениях названных авторов комментарии к Библии свидетельствуют о том, что она была прочитана глазами представителей господствующего класса.